

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.84

Дата поступления: 17.04.2021
рецензирования: 20.05.2021
принятия: 25.05.2021

Особенности признания недействительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования

И. Г. Ларин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности и проблемы применения в избирательном процессе института дистанционного голосования в целом и проблема недействительности выборов, связанных с использованием данного института в частности. Раскрываются особенности реализации процедуры дистанционного электронного голосования на практике, а также выявляются такие связанные с использованием программно-аппаратных средств обеспечения проведения дистанционного голосования проблемы, как наличие пробелов в современном законодательстве в части регулирования недействительности выборов с применением соответствующих технологий, неопределенность в вопросах реализации юридической ответственности за правонарушения в данной сфере отношений. Делается вывод о недостатках существующего правового регулирования и определяются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: избирательное право; признание выборов недействительными; дистанционное электронное голосование; Конституция Российской Федерации.

Цитирование. Ларин И. Г. Особенности признания недействительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 127–132. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-127-132>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ларин И. Г., 2021

Игорь Григорьевич Ларин – аспирант третьего года обучения кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2021
Revised: 20.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Problem of election validity in remote electronic voting

I. G. Larin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the features and problems of using the institution of remote voting in the electoral process in general and the problem of invalidation of elections associated with the use of this institution, in particular. The article reveals the features of the implementation of the remote electronic voting procedure in practice, and also reveals such problems associated with the use of software as the presence of gaps in modern legislation in terms of regulating the invalidity of the described elections, uncertainty in matters of violations in this area of electoral law. The article concludes about the shortcomings of the existing legal regulation and identifies possible solutions to the identified problems.

Key words: suffrage; invalidation of elections; remote electronic voting; Constitution of the Russian Federation.

Citation. Larin I. G. *Osobennosti priznaniya nedeistvitel'nosti vyborov pri provedenii distantsionnogo elektronogo goslovaniya* [Problem of election validity in remote electronic voting]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 127–132. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-127-132> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Larin I. G., 2021

Igor G. Larin – third year of study postgraduate student of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation.

Все большее применение в настоящее время находят электронные технологии в нашей жизни. По мнению А.А. Саурина [1], в нашей стране цифровизация уже глубоко внедрилась в избирательную систему, поскольку технический прогресс позволяет существенным образом усовершенствовать проведение выборов, будь то использование видеокамер для наблюдения за участками или использование системы ГАС «Выборы». Одним из таких инструментов технического прогресса на службе избирательной системы России является дистанционное электронное голосование. Данный институт обладает колоссальнейшим потенциалом для применения в ходе избирательных кампаний, поскольку позволяет существенным образом упростить избирательные процедуры и сделать выборы более прозрачными, а значит, законными. Однако в силу того, что институт дистанционного голосования относительно нов и используется, по большому счету, только в рамках экспериментов, к нему имеется большое количество вопросов.

Дистанционное электронное голосование обладает как существенными положительными чертами, так и существенными минусами, значение которых весьма велико, следствием чего является недопустимость идеализации данного института. При этом наличие проблем, связанных с применением данного института, признают большое число ученых-правоведов, например В. В. Полянский [2], а также юристов-практиков, например, член Центральной избирательной комиссии России Е. И. Колюшин [3].

Для того чтобы начать рассуждения о проблемах, связанных с институтом дистанционного электронного голосования, следует определить, что под данной дефиницией понимается. В соответствии с пунктом 62.1 статьи 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4] под дистанционным электронным голосованием следует понимать голосование без использования бумажного бюллетеня с использованием специального программного обеспечения. Также законодатель ввел термин «электронный бюллетень», означающий бюллетень, который сформирован программно-техническими средствами в электронном виде и используемый в рамках электронного голосования.

Вышеуказанный термин схож с термином «электронное голосование», отличающееся лишь использованием технических средств, а не программного обеспечения.

Впервые в нашей стране дистанционное электронное голосование было проведено в 2019 году в Москве в рамках эксперимента внедрения института дистанционного голосования с помощью современных электронных технологий в рамках избирательной кампании по выборам в Мосгордуму [5].

В частности, в 2019 году на выборах в Мосгордуму общая явка составила 21,77 %. В то

же время на трех из 45 одномандатных округов, где избиратели в качестве эксперимента получили возможность голосовать дистанционно, явка составила 92,3 % [6], что свидетельствует об огромном потенциале применения данного института в целях как минимум повышения явки избирателей на выборы.

Именно после окончания вышеуказанного эксперимента был введен новый термин, характеризующий дистанционное электронное голосование, особенностью которого является проведение голосования без использования «классического» бумажного бюллетеня с применением особого программного обеспечения.

В частности, согласно положениям пункта 19 статьи 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [7], для подготовки и проведения общероссийского голосования в числе прочего может быть применено дистанционное электронное голосование (при наличии условий для его проведения).

Центризбирком Российской Федерации в своем Постановлении от 04.06.2020 № 251/1851-7 [8] определил, что дистанционное электронное голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ [9] подлежит проведению на территории Нижегородской области и города Москвы. Данное решение было принято в условиях неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, сложившейся из-за новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в целях защиты жизни и здоровья граждан Российской Федерации и создания дополнительных условий для реализации ими своего права на участие в общероссийском голосовании.

Общероссийское голосование по вопросу внесения в Конституцию РФ изменений в целом прошло успешно, а, по данным Центризбиркома РФ [10], при использовании дистанционного электронного голосования явка граждан на «дистанционные электронные избирательные участки» составила более 91,5 %, что также является весьма достойным результатом.

Таким образом, получается, что дистанционное электронное голосование действительно может быть эффективным механизмом повышения явки избирателей, что особенно важно в целях минимизации абсентеизма.

Однако, не следует скептически относиться к такому гигантскому разрыву между явкой на «обычные» выборы и явкой на «дистанционные». В пользу точки зрения о том, что какой-либо «подвох» в таких высоких показателях отсутствует, выступает факт того, что для участия в дистанционном голосовании гражданин должен проявить собственную инициативу и подать соответствующее заявление, а само такое участие является альтернативой общепринятому. Если рассуждать в данном ключе, то получается, что из 100 % из-

бирателей, которые приняли волевое решение об участии в «дистанционном» формате выборов и сделали все необходимые для этого манипуляции, 92 % довели свои действия до конца, а 8 % по тем или иным причинам не смогли завершить начатую процедуру.

Но теоретически такой высокий процент явки может свидетельствовать об определенном давлении на граждан использовать данную форму выражения своей политической воли, поскольку следы гражданина в цифровом пространстве, включая то, как именно гражданин проголосовал, при нынешнем развитии технологий могут быть установлены, что может при негативном развитии событий даже обеспечить подконтрольность действий избирателей.

До тех пор пока избирательное законодательство не будет актуализировано и должным образом переработано, применение дистанционного электронного голосования может неконтролируемо отразиться на институте выборов в нашей стране, в том числе развитии различных «конспирологических» теорий, следствием чего может стать девальвация электоральных процедур.

Между «аналоговым» и «цифровым» голосованиями существует колоссальная разница, причем не только технологическая. Можно выдвинуть предположение, что дистанционное электронное голосование потребует изменения правовой и электоральной культуры граждан. Вследствие этого возникает необходимость во внесении изменений в действующее избирательное законодательство, которые бы обеспечивали соответствие уровня развития законодательства технологии дистанционного электронного голосования.

При «аналоговом» голосовании гражданин приходит на участок, проверяет наличие своего имени в избирательных списках, после чего член избирательной комиссии удостоверяет личность гражданина и выдает ему бюллетень для голосования, позволяющий гражданину сделать свой выбор и опустить бюллетень в ящик для голосования. После этого подсчет голосов и определение итогов голосования проводятся избирательными комиссиями, все подсчеты осуществляются вручную (кроме случаев использования КОИБов, но и там за правильностью подсчетов следят члены комиссии).

При «цифровом» голосовании в системе выражения воли избирателя появляется дополнительная «прослойка» в виде различного программного обеспечения, поскольку в соответствии с установленной процедурой избиратель обращается на специальный портал в сети Интернет и проходит процедуры идентификации и аутентификации. После прохождения данной процедуры избиратель перенаправляется на экранную форму для участия в голосовании, затем гражданин подтверждает свою личность.

После корректного ввода соответствующего кода голос избирателя трансформируется в анонимный, следствием чего является доступ изби-

рателя к бюллетеню. Выбрав нужный вариант в поле для голосования, гражданин нажимает кнопку «Проголосовать». На этом активные действия избирателя завершены, за ними следуют цифровая обработка голоса, оформление цифрового протокола об итогах голосования, затем данный протокол печатается и подписывается членами УИКа.

Таким образом, получается, что фактически вместо непосредственно гражданина выбор делает определенный цифровой образ такого гражданина, который впоследствии меняется на анонимный. По мнению судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря [11], такой образ или т. н. «информационный портрет» гражданина должен отражать конституционно важные характеристики в рамках общественных, политических или социальных отношений, будь то обращение в органы публичной власти или участие в избирательных процедурах.

В этой связи возможно существование проблем, при которых голос гражданина на самом деле может ему не принадлежать, может быть украден третьими лицами для того, чтобы проголосовать «нужным» образом, а также что голос избирателя будет впоследствии отслежен и определен, что может негативным образом отразиться на гражданине.

Следовательно, для того, чтобы избежать возникновения таких проблем, необходимо обеспечить наличие у граждан юридических возможностей проверять анонимность собственного электронного голоса, уникальность его цифрового образа, наличие возможности проверять все действия с электронным голосом и мест, с которых осуществляются такие действия, дабы исключить возможность манипуляций с электронными голосами граждан кем-либо, кроме самого гражданина. В противном случае все вышеперечисленное будет нарушать один из ключевых избирательных принципов, заключающийся в тайне голосования.

Скепсис по поводу отсутствия влияния на принципы личного и тайного голосования и сохранения должного уровня общественного контроля, несмотря на определенные меры безопасности и цифровую идентификацию избирателя, выражает и профессор Е. В. Гриценко [12], полагающая, что прозрачность дистанционного электронного голосования остается весьма спорной, а при нынешнем уровне развития технологий и правового регулирования отследить, оставляет свой голос именно конкретно взятый гражданин и не оказывается ли на него в момент выражения своей политической воли давление извне, не представляется возможным.

Другой проблемой может стать отсутствие у избирателя, выбравшего дистанционный способ выражения своей политической воли на выборах, возможности участвовать в выборах, но не голосовать. Иными словами, гражданин, осуществив переход непосредственно к бюллетеню, имеет право лишь выбрать один из представленных вариантов для голосования. Таким образом, испортить бюллетень или поместить в урну пустой бюллетень у

него попросту не получится. Возможно, данное обстоятельство и не влияет серьезным образом на процедуру голосования, но может быть рассмотрено как понуждение гражданина проголосовать хоть каким-нибудь образом. В то же время избиратели на «аналоговых» участках имеют хоть и спорную, но все же возможность испортить бюллетень, что также требует анализа и дополнительного исследования при применении дистанционного голосования.

Следует отметить, что задействованное в процедуре дистанционного электронного голосования программное обеспечение имеет большое количество функций, поскольку, помимо вышеуказанных действий в отношении гражданина и его цифрового образа – голоса, программное обеспечение действует и как демонстратор и изготовитель бюллетеня, фиксирует голос избирателя и анонимизирует его, считает общее число голосов на таких выборах, а также в случае необходимости передает полученные сведения куда потребуется. Все эти, а также иные функции, связанные с программным обеспечением на дистанционном электронном голосовании необходимо обеспечить соответствующим правовым регулированием, которое бы зафиксировало порядок всех процессов и процедур, а также удостоверило действительность действий избирателя или других лиц, участвующих в избирательном процессе.

Немаловажным вопросом в контексте исследуемых особенностей дистанционного голосования выступает и вопрос о действительности или недействительности выборов, проходящих посредством дистанционного электронного голосования. Данный вопрос на сегодняшний момент является открытым, поскольку все регулирование признания выборов, результатов выборов, итогов голосования недействительными применимо лишь в отношении «аналогового» голосования.

Так, в соответствии с положениями пункта 9 статьи 70 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» избирком соответствующего уровня должен признать выборы, референдум недействительными в случаях:

– если во время процедуры голосования или на этапе подсчета голосов было обнаружено определенное число нарушений и их количество мешает определению достоверных результатов волеизъявления электората;

– если судом или соответствующим избиркомом признаны недействительными итоги голосования по одномандатному округу на участках, списочное количество имеющих право голосовать жителей на которых превышает 1/4 от общего числа избирателей в таком округе;

– если судом принято соответствующее решение.

При этом остается открытым вопрос, каким образом будет вычисляться число нарушений в ходе голосования или подсчета голосов, а также что вообще будет считаться нарушением при

подсчете голосов избирателей программой. Если произойдет технический сбой в программе и все голоса граждан пропадут или перепутаются, будет ли это достаточным основанием для того, чтобы признать дистанционное голосование недействительным? Если появятся сомнения в достоверности определения воли избирателей, каким образом гражданин сможет проверить, верно ли посчитан его голос?

Несомненным положительным моментом использования процедуры дистанционного электронного голосования является отсутствие возможности осуществлять «вбросы» в ходе голосования гражданами. Но существует и обратная сторона медали, поскольку такую техническую возможность имеют программисты или члены избирательной комиссии, которые контролируют и обеспечивают функционирование программного обеспечения для дистанционного голосования.

Будет ли применение таких «цифровых вбросов» на практике являться основанием для признания итогов голосования или результатов выборов недействительными? Единственно возможным вариантом избежать наличия такого юридического пробела будет введение отдельных оснований для признания недействительными итогов голосования или результатов выборов, проходящих с применением дистанционного электронного голосования, позволяющих учесть степень влияния лиц, имеющих доступ к программному обеспечению и способных повлиять на определение волеизъявления граждан.

Также неясно, кто будет нести ответственность за технические сбои в ходе дистанционного голосования, ведь в таком случае избиратели будут просто лишены возможности выразить свою политическую волю. Законодатель предусмотрел наличие ответственности за помехи избирательным комиссиям при проведении голосования, однако в данном случае также неясно, кто будет нести ответственность, например, в случае технического сбоя в программе.

Кроме того, до конца неясны полномочия членов избирательных комиссий при проведении дистанционного электронного голосования, поскольку оно практически полностью зависит не от людей, а от программ. В частности, у комиссий нет необходимости уточнять избирательные списки, считать голоса граждан, а также совершать иные действия, присущие «аналоговому» голосованию. Не приведет ли это к сокращению численности членов избиркомов или вообще к постепенной ликвидации данных институтов, поскольку все электоральные действия будут производиться в программе?

Потенциально возможно возникновение ситуации, при которой один гражданин может создать несколько своих виртуальных версий или несколько раз использовать свой виртуальный образ, чтобы противоправно повлиять на итоги голосования. Данный вид нарушений необходимо исключить, например, с помощью различных программно-

технических решений, не позволяющих голосовать одному гражданину более одного раза, а также идентифицировать избирателя таким образом, чтобы исключить возможность наличия у него «цифровых клонов».

Помимо прочего, на законодательном уровне потребуется определить – кто будет наделен правами по контролю за проведением дистанционного голосования? В настоящий момент его контролируют лишь организаторы, в число которых входят программисты и члены избиркомов, ведь только они имеют доступ к данным избирателей и результатам их волеизъявления. Граждане не могут проверить, правильно ли был определен и занесен в базу данных их голос. В таком случае не может полноценно функционировать институт наблюдателей на выборах, поскольку без определенного образования и квалификации суть происходящего на «аналоговом» голосовании понять можно, но следить за работой компьютерных программ, кодов, шифров вряд ли представляется возможным. В этой связи возможным вариантом решения данной проблемы видится предоставление избирателям, наблюдателям, представителям избирательных объединений «видеть» ход голосования и процедуру подсчета

голосов, однако осуществить это необходимо с соблюдением принципа тайны голосования.

Именно сейчас, как полагает В. Д. Зорькин [13], формируется новая сфера общественных отношений, тесно связанная с цифровизацией, которая будет включать в себя ранее не существовавшие цифровые права, под которыми следует понимать в том числе и право на конфиденциальность, анонимность или обезличенность в цифровом мире, использование компьютеров и иных электронных устройств, а также цифровых сетей.

Важность цифровых прав также подчеркивает и С. А. Авакьян, считающий, что технологический прогресс приводит к созданию новых виртуальных сфер массового объединения людей, которые в дальнейшем будут оказывать влияние на общественные и политические процессы, включая выборы властных органов [14].

Учитывая изложенное, перед законодателем стоит трудная и важная задача по обновлению и актуализации правового регулирования, связанного с реализацией конституционных прав граждан, по конкретизации вопросов ответственности, устранению пробелов и коллизий в рамках дистанционного электронного голосования.

Библиографический список

1. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39243211>.
2. Regcomment.ru. URL: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-rochemu-eksperiment-neobhodim/> (дата обращения 16.04.2021).
3. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30>.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66>.
5. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 3. С. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62)
6. TASS. URL: <https://tass.ru/moskva/6890469> (дата обращения 16.04.2021).
7. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1>.
8. Постановление ЦИК России от 04.06.2020 № 251/1851-7 «О перечне субъектов Российской Федерации, в которых на общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации проводится дистанционное электронное голосование» // Вестник ЦИК России. 2020. № 5. URL: https://rulaws.ru/acts/Postanovlenie-TSIK-Rossii-ot-04.06.2020-N-251_1851-7.
9. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014031000&docid=1>.
10. www.cikrf.ru. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (дата обращения 16.04.2021).
11. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>.
12. Гриценко Е. В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49>
13. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск. № 7578 (115). 2018. 29 мая.

14. Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358>.

References

1. Saurin A. A. *Tsifrovizatsiya kak faktor transformatsii prava* [Digitization as a law transforming factor]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 8, pp. 26–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39243211> [in Russian].
2. Regcomment.ru. Available at: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-pochemu-eksperiment-neobhodim/> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
3. Kolyushin E. I. *Pravovye problemy distantsionnogo elektronnoho golosovaniya izbiratelei* [Legal issues of remote electronic voting]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no 2, pp. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30> [in Russian].
4. *Federal'nyi zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii»* [Federal law dated 12.06.2002 № 67-FZ «On the main guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 17.02.2002, no. 24, Article 2253. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66> [in Russian].
5. Bosova E. N., Reut D. A. *Distantsionnoe elektronnoho golosovanie: poisk zakonodatel'nogo oformleniya* [Remote electronic voting: search for legislative formalization]. *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62) [in Russian].
6. TASS. Available at: <https://tass.ru/moskva/6890469> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
7. *Zakon Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti»* [Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 14.03.2020 № 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 16.03.2020, no. 11, Article 1416. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1> [in Russian].
8. *Postanovlenie TsiK Rossii ot 04.06.2020 № 251/1851-7 «O perechne sub'ektov Rossiiskoi Federatsii, v kotorykh na obshcherossiiskom golosovanii po voprosu odobreniya izmenenii v Konstitutsiyu Rossiiskoi Federatsii provoditsya distantsionnoe elektronnoe golosovanie»* [Resolution of the CEC of Russia dated 04.06.2020 № 251/1851 «On the list of constituent entities of the Russian Federation, in which remote electronic voting is carried out at the all-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of the Russian Federation»]. *Vestnik TsiK Rossii* [Vestnik Central Election Commission of the Russian Federation], 2020, no. 5. Available at: https://rulaws.ru/acts/Postanovlenie-TSIK-Rossii-ot-04.06.2020-N-251_1851-7 [in Russian].
9. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 04.08.2014, no. 31, Article 4398. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014031000&docid=1> [in Russian].
10. www.cikrf.ru. Available at: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (accessed: 16.04.2021) [in Russian].
11. Bondar N. S. *Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 11, pp. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2> [in Russian].
12. Gritsenko E. V. *Obespechenie osnovnykh garantiy izbiratel'nykh prav v usloviyakh informatizatsii izbiratel'nogo protsessa* [Securing the main guarantees of electoral rights in the conditions of informatization of the electoral procedure]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 5, pp. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49> [in Russian].
13. Zorkin V. D. *Pravo v tsifrovom mire* [Digital law]. *Rossiiskaya gazeta – Stolichnyi vypusk*, 2018, May 29, no. 7578 (115). Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyie-prava-grazhdan.html>. [in Russian].
14. Avakyan S. A. *Modernizatsiya publichno-politicheskikh otnoshenii i konstitutsionnoe reformirovanie: problemy i perspektivy* [Modernization of public and political relationships and constitutional reformation: issues and prospects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 9, pp. 3–6. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358> [in Russian].